

УДК 323.276''1918''(093.3)
DOI: 10.17223/19988613/56/8

В.И. Шишкин

КОЛЧАКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКИХ МЕМУАРИСТОВ

Выявлены и критически проанализированы основные опубликованные воспоминания, в которых содержатся сведения о государственном перевороте, произведенном в Омске 18 ноября 1918 г. Сделан вывод, что их авторы в разной степени полно, глубоко и достоверно осветили данное событие. Обнаруженные в мемуарах расхождения фактического и концептуального характера объяснены тем, что мемуаристы обладали фрагментарной и несопадающей информацией, а также во время Гражданской войны занимали разные политические позиции.

Ключевые слова: мемуарист; гражданская война; Временное Всероссийское правительство; Директория; Совет министров; государственный переворот; диктатура; А.В. Колчак.

Государственный переворот – это нелегитимная замена одного действующего правительства другим. Такая замена может осуществляться узкой группой заговорщиков или при участии широких народных масс, гражданскими или военными силами, мирным или насильственным путем, произойти стремительно или длиться долго и приобрести «ползучий» характер, завершиться бескровно или кровопролитием.

Государственные перевороты – это в основном исключительные, однако отнюдь не редкие события в мировой истории. Имеющаяся к настоящему времени исследовательская литература позволяет утверждать, что в политических практиках государственные перевороты все чаще используются по мере приближения от древности к современности. Такая тенденция вполне закономерна. Она является отражением объективной реальности: роста численности населения и динамики социально-политических процессов, усложнения жизненных условий, увеличения количества и углубления разного рода противоречий, нарастания напряженности.

Чаще всего государственные перевороты происходили в тех странах, где два их важнейших актора – власть и общество – не находили консенсуса, и дело между ними доходило до непримиримого конфликта. Как правило, перевороты происходили там и тогда, где и когда власть оказывалась очень слабой и/или непопулярной.

Поскольку в России взаимоотношения между властью и обществом почти всегда оставляли желать лучшего, из-за чего власть не имела надлежащей опоры в обществе, а ее авторитет нередко падал до неприличного уровня, то время от времени в стране случались государственные перевороты. Один из них произошел в Омске в разгар Гражданской войны – 18 ноября 1918 г. и привел к замене в лагере контрреволюции верховной государственной власти. Избранная в Уфе на Государственном совещании Директория Временного Всероссийского правительства была устранена и вместо нее установлена власть Верховного правителя адмирала А.В. Колчака, по имени которого переворот и получил

название «колчаковского». Временное Всероссийское правительство состояло из Директории и Совета министров. Директория была избрана 23 сентября 1918 г. на Государственном совещании в Уфе. В ее состав вошли пять человек: бывший министр внутренних дел Временного правительства, эсер Н.Д. Авксентьев, бывший московский городской голова, член ЦК партии кадетов Н.И. Астров, один из лидеров Союза возрождения России, бывший командующий 5-й армией генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, председатель Совета министров Временного Сибирского правительства областник П.В. Вологодский и председатель Верховного управления Северной области, член ЦК трудовой народно-социалистической партии Н.В. Чайковский. Из-за отсутствия в Уфе Н.И. Астрова и Н.В. Чайковского реально вместо них к работе в Директории приступили избранные их заместителями член ЦК партии кадетов В.А. Виноградов и член эсеровского ЦК В.М. Зензинов. 24 сентября В.Г. Болдырев был назначен Директорией Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России.

Состав Совета министров Временного Всероссийского правительства был утвержден Директорией 4 ноября 1918 г. Его председателем стал П.В. Вологодский, заместителем председателя – В.А. Виноградов, большинство министерских портфелей досталось бывшим министрам Временного Сибирского правительства. Но в Совете министров появились и новые лица, наиболее известным среди которых стал вице-адмирал А.В. Колчак, назначенный на пост военного и морского министра.

В ночь на 18 ноября около трех сотен казаков и солдат, подчинявшихся полковнику В.И. Волкову, войсковым старшинам А.В. Катанаеву и И.Н. Красильникову, арестовали председателя Директории Н.Д. Авксентьева, члена Директории В.М. Зензинова, товарища министра внутренних дел эсера Е.Ф. Роговского и ряд близких к ним лиц. В свою очередь Совет министров, срочно созданный в связи с произведенными арестами

на чрезвычайное заседание, признал Директорию прекратившей свою деятельность, постановил сначала принять всю полноту верховной государственной власти на себя, а потом решил «передать временно осуществление верховной власти одному лицу, опирающемуся на содействие Совета министров, присвоив такому лицу наименование Верховного правителя» [1. С. 89–90].

На чрезвычайном заседании Совета министров 18 ноября 1918 г. официально присутствовали 25 человек: председатель Совета министров П.В. Вологодский, его заместитель В.А. Виноградов, семь министров (Н.С. Зефилов, А.В. Колчак, И.А. Михайлов, Н.И. Петров, И.И. Серебренников, С.С. Старынкевич, Л.А. Устругов), четверо управляющих министерствами (А.Н. Гаттенбергер, Ю.В. Ключников, Л.И. Шумиловский, Н.Н. Щукин), четыре товарища министра (Г.К. Гинс, А.А. Грацианов, И.А. Молодых, Н.Я. Новомбергский), два помощника министра (генерал-майоры В.И. Сурин и Б.И. Хорошхин), государственный контролер Г.А. Краснов, управляющий делами Г.Г. Тельберг, его помощники Т.В. Бутов и Н.К. Федосеев, а также приглашенные П.В. Вологодским начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.С. Розанов и временно командующий Сибирской армией генерал-майор А.Ф. Матковский. Не исключено, что в напряженной и сумбурной обстановке того времени кто-то из сотрудников Совета министров или Ставки мог присутствовать на заседании неофициально, без приглашения.

Закрытой баллотировкой на альтернативной основе из трех кандидатов на этот пост был избран А.В. Колчак. Кандидатами были член Директории, Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, военный и морской министр Временного Всероссийского правительства вице-адмирал А.В. Колчак и верховный уполномоченный Временного Всероссийского правительства на Дальнем Востоке генерал-лейтенант Д.Л. Хорват. Хрупкий компромисс, с таким трудом заключенный разнородными по своему составу антибольшевистскими силами сначала в Уфе, а потом в Омске, оказался разрушенным. Власть в лагере российской контрреволюции перешла в руки ставленника тех кругов, которые держали курс на военную диктатуру.

Осуществленный в Омске государственный переворот, несмотря на его локальный характер, является одним из важнейших событий в истории Гражданской войны в России. Тем не менее до настоящего времени он освещен в научной и особенно в научно-популярной литературе с недостаточной полнотой, точностью и объективностью. В значительной мере такое положение объясняется состоянием источниковой базы. С одной стороны, она очень узкая, поскольку государственные перевороты готовятся тайно, а их исполнители стараются следов не оставлять, с другой – до сих пор она представлена в основном такими субъективными сви-

детельствами, как мемуары участников и современников события. Однако именно мемуарная литература послужила главным источником не только фактической информации, но и тех противоречивых концептуальных построений, которые высказаны в исследовательских публикациях о колчаковском перевороте. В этом легко убедиться, если сравнить специальные статьи [2, 3] и фрагменты книг [4–11], в которых освещено это событие. Сказанное актуализирует вопрос об опубликованных по данной теме мемуарах как историческом источнике, диктует необходимость их специального критического анализа.

Колчаковский государственный переворот нашел отражение в опубликованных воспоминаниях ряда известных журналистов, политических и военных деятелей: Л.В. Арнольдова, А.А. Аргунова, М.В. Вишняка, Г.К. Гинса, К.Я. Гоппера, И.С. Ильина, Л.А. Кроля, И.М. Майского, С.П. Руднева, К.В. Сахарова, Н.В. Святыцкого, И.И. Серебренникова, М.И. Смирнова, А.С. Соловейчика, И.И. Сукина.

Первые две мемуарные публикации, в которых сохранились сведения о произошедшем в Омске перевороте, вышли в свет уже в 1919 г. Сначала примерно в феврале в Париже появилась брошюра А.А. Аргунова, в которой содержался раздел «Временное Всероссийское правительство в Омске. Переворот 18 ноября».

Напомним, что А.А. Аргунов являлся членом ЦК партии эсеров и заместителем Н.Д. Авксентьева в Директории. С конца сентября 1918 г. он возглавлял Чрезвычайную следственную комиссию, которая занималась выяснением обстоятельств ареста в Омске членов Совета министров Временного Сибирского правительства В.М. Крутовского и М.Б. Шатилова и убийства назначенного министром А.Е. Новоселова. В результате А.А. Аргунов хорошо представлял омскую атмосферу.

А.А. Аргунов не стал описывать события переворота, поскольку считал, что «фактическая сторона его известна». Он предпочел заняться выяснением наиболее существенных вопросов. Прежде всего он отменил обвинения «правых» в том, что эсеровская часть Директории действовала в соответствии с указаниями ЦК своей партии. В частности, он специально прояснил ситуацию с инструкцией (обращением) эсеровского ЦК от 22 октября 1918 г. к партийным организациям (в «правой» печати она называется то черновской грамотой, то прокламацией эсеровского ЦК), в которой сохранились критика Временного Всероссийского правительства и рекомендация местным партийным организациям заняться созданием вооруженных отрядов. А.А. Аргунов сообщил, что Директория постановила «произвести расследование дела об авторах этой инструкции, а ген[ералу В.Г.] Болдыреву, как [Верховному] главнокомандующему, было поручено беспощадно давить всякие попытки к созданию партийных военных организаций» [12. С. 34]. Данную информацию А.А. Аргунова подтвердил В.М. Зензинов в своем письме «Правда о неправде», которое 22 апреля 1919 г.

опубликовала парижская газета «Общее дело» [13. С. 193].

Особое раздражение «правых» кругов, по мнению А.А. Аргунова, вызвала твердая позиция, занятая Директорией по отношению к нарушителям дисциплины в вооруженных силах. Он утверждал, что Директория назначила расследование скандального инцидента, происшедшего 13 ноября 1918 г. в зале Омского гарнизонного собрания, когда часть присутствовавших русских офицеров потребовала сыграть «Боже, царя храни!» и даже подпевала оркестру во время исполнения гимна бывшей Российской империи. Скорее всего А.А. Аргунов имел в виду приказ Верховного главнокомандующего В.Г. Болдырева № 36 от 15 ноября 1918 г. В нем В.Г. Болдырев еще раз подтвердил позицию Временного Всероссийского правительства: «армия вне политики», а «всякое публичное выявление своих политических симпатий, в какую бы сторону они ни клонились, совершенно не допустимо со стороны представителей армии». Он решительно осудил инцидент в Омском гарнизонном собрании, квалифицировав его как «особенно недопустимый по своей безграничной бестактности и преступному легкомыслию со стороны лиц, являющихся виновниками этого случая».

В.Г. Болдырев приказал генерал-майору А.Ф. Матковскому «произвести строжайшее расследование и определенно выяснить тех лиц, которые, забывая о достоинстве своей страны, не стесняясь дружеским союзным представительством, демонстрируют публично свою безграничную распущенность, которой должен быть положен конец». Верховный главнокомандующий в корректной форме выразил свое недовольство поведением начальствующих лиц, присутствовавших на банкете, но не принявших мер для немедленного ареста и привлечения виновных к строжайшей ответственности, заявив, что в дальнейшем будет расценивать такое поведение как преступное бездействие власти. Приказ заканчивался жесткими словами: «Лица, сознательно или бессознательно вредящие созиданию здоровой дисциплины в армии и спокойному развитию возрождающейся государственности, должны быть немедленно устраняемы из рядов армии» [14. Л. 100; 15. С. 55].

«Опасение перед крепнувшим авторитетом Всероссийского правительства, вокруг которого уже стали заметно собираться здоровые элементы и стали завязываться сношения с правительством [А.И.] Деникина, [Н.В.] Чайковского и заграничными русскими миссиями; опасение у одних потерять силу и свободу атаманского хозяйничания, потерять власть у других – вот что толкнуло тех и других перейти от оппозиции и сопротивления к подготовке переворота», – так определил А.А. Аргунов совокупность объективных и субъективных причин, обусловивших поведение «правых» сил [12. С. 36].

Мемуарист высказал предположение о том, что решающим фактором («окончательным толчком»), побудившим «правых» активизировать свои преступные

действия против законной власти, стало то обстоятельство, что Временное Всероссийское правительство «получило точные сведения о готовящемся признании его союзниками и о специальной миссии в связи с этим ген[ерала] Жанена» [12. С. 36].

Это утверждение А.А. Аргунова в 1921 г. подтвердил русский дипломатический представитель в Лондоне поверенный в делах К.Д. Набоков, отнюдь не симпатизировавший социалистам. В своих мемуарах он сообщил, что английское правительство решило «признать Директорию, и 17-го ноября была даже заготовлена в этом смысле телеграмма в Омск» [16. С. 245]. Он писал, что Совет министров уже утром 18 ноября располагал сведениями не только об аресте эсеровских членов Директории, но и о месте их пребывания. Однако Совет министров не сделал попытки к освобождению арестованных и даже не поставил в известность о происшедшем в Омске находившегося на фронте В.Г. Болдырева.

А.А. Аргунов коротко откликнулся на результаты чрезвычайного военного суда над организаторами ареста эсеровской части Директории, который состоялся по указанию А.В. Колчака. «Цинизм победителей, – резюмировал он, – сразу проявился во всей красе. Офицеры, конечно, были торжественно “оправданы” и отблагодарены» [12. С. 38]. А.А. Аргунов считал, что у Директории «не было специальной военной охраны, достаточной против всяческого заговора». Причины такого положения он объяснял тем, что Временное Всероссийское правительство «не готовилось к нему, или, вернее, не спешило готовиться» [Там же. С. 39].

Основываясь на содержании разговора по прямому проводу между В.Г. Болдыревым и А.В. Колчаком после переворота, А.А. Аргунов сообщил, что В.Г. Болдырев энергично протестовал и требовал от адмирала прекращения преступной авантюры, восстановления Директории и наказания виновных. Мемуарист считал, что перед В.Г. Болдыревым стояла дилемма: поднять войска с фронта и идти с ними на Омск или воздержаться от этого во избежание новой гражданской войны, на этот раз внутри антибольшевистского лагеря. В.Г. Болдырев не пошел на обострение ситуации, хотя, по заявлению А.А. Аргунова, знал, что «мог выйти победителем, ибо за ним пошла бы Народная армия, стоявшая у Уфы, к нему бы присоединились чехословаки» [Там же].

Мемуарист предпринял попытку объяснить, почему население востока России не отреагировало на переворот и на приход к власти военного диктатора. По мнению А.А. Аргунова, опыт прошлого и особенно текущих военно-политических событий свидетельствовал о том, что масса населения «пассивна и если реагирует, то не сразу, не немедленно».

Что касается отношения к установлению власти Верховного правителя сибирской демократии, то, по оценке А.А. Аргунова, в этом вопросе «двух мнений не может быть». В подтверждение своей позиции он ссы-

лался на публикации в газетах резолюций земств, городов и разных общественных организаций, которые якобы «в один голос протестовали против переворота». Однако «голос демократии был сразу придушен цензурной петлей и другими мерами» [12. С. 40].

Автором второй по времени публикации, изданной в Ростове-на-Дону в июле 1919 г., был А.С. Соловейчик – журналист, член партии кадетов, с октября 1918 г. работавший личным секретарем министра финансов Временного Сибирского правительства И.А. Михайлова. Как известно, И.А. Михайлов был в Омске одной из наиболее влиятельных политических фигур. Молва приписывала ему сомнительную «славу» инициатора ряда грязных акций, направленных против эсеров и Сибирской областной думы. Это позволяет предположить, что А.С. Соловейчик в вопросе о государственном перевороте мог быть довольно осведомленным человеком. Такая гипотеза подтверждается тем, что в декабре 1918 г. колчаковская контрразведка обнаружила у А.С. Соловейчика ряд секретных документов, которые он получил от И.А. Михайлова. Чтобы избежать преследования, А.С. Соловейчик был вынужден срочно покинуть Сибирь и отправиться на юг России.

В отличие от А.А. Аргунова А.С. Соловейчик поставил перед собой более простую и скромную задачу: «...дать чисто внешнее описание событий в их хронологической последовательности и бегло очертить те настроения, в которых они развивались» [Там же. С. 4].

Раздел текста его брошюры, посвященный перевороту, условно можно разбить на четыре неравноценные части. Первую из них составлял пересказ сообщения Российского правительства от 20 ноября, официального сообщения информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего от 21 ноября 1918 г. и ряда других материалов, которые уже были опубликованы в правительственной печати и отражали точку зрения победителей на события 18 ноября.

Вторую часть составили извлеченные из правительственной печати официальные документы: постановления Совета министров о взятии на себя всей полноты государственной власти, о временной передаче верховной государственной власти вице-адмиралу А.В. Колчаку и присвоении ему наименования Верховного правителя, обращение Верховного правителя к населению, «Положение о временном устройстве государственной власти в России».

Наибольшую ценность представляла третья часть. В ней А.С. Соловейчик – скорее всего, со слов И.А. Михайлова – коротко рассказал о том, как происходили выборы Верховного правителя. Он утверждал, что выборы производились на альтернативной основе путем тайного голосования; назвал поименно 13 человек, которые участвовали в голосовании, и указал их партийную принадлежность; сообщил, что при голосовании 12 записок было подано за А.В. Колчака и одна – за В.Г. Болдырева [17. С. 55]. Сохранилось приложение № 1 к журналу заседания Совета министров

от 18 ноября 1918 г., которое называется «Лист закрытой баллотировки по избранию Верховного правителя». В нем содержится такая информация: «Подано председателю Совета министров 14 записок. По вскрытии их и подсчете оказалось: а) с именем адмирала Колчака – 13 записок, б) с именем ген[ерал]-л[ейтенанта] Болдырева – 1 записка» [1. С. 96].

В четвертой части воспоминаний А.С. Соловейчик считал нужным отразить поведение и судьбу казачьих офицеров В.И. Волкова, А.В. Катанаева и И.Н. Красильникова, производивших аресты членов Директории и названных автором «виновниками переворота»: их добровольную явку с повинной к Верховному правителю, якобы патриотические мотивы ареста ими членов Директории, заседание и решение военного суда над названной тройкой офицеров. А.С. Соловейчик, выступавший на суде в качестве свидетеля на стороне подсудимых, написал, что оправдательный приговор подсудимым был вынесен «под громовые аплодисменты собравшейся в массе публики, устроившей грандиозную манифестацию и чествование оправданных» [17. С. 58].

В противовес А.А. Аргунову А.С. Соловейчик утверждал, что общественные круги востока России отреагировали на происшедший переворот и «переход власти в новые руки восторженно и с полным сочувствием». В качестве главных аргументов для доказательства своей правоты А.С. Соловейчик привел адрес, поднесенный 19 декабря 1918 г. Верховному правителю так называемым Омским блоком общественных организаций, и сослался на поездки А.В. Колчака в прифронтовую полосу, где его якобы горячо встречали и чествовали «не только интеллигентские, но и самые широкие народные слои как крестьянские, так и рабочие» [Там же. С. 60].

В Омский блок общественных организаций входили представители 13 политических и общественных объединений: Д.С. Каргалов – Всероссийского совета съездов торговли и промышленности, Н.П. Двинаренко – Центрального военно-промышленного комитета, А.В. Сазонов – Совета Всесибирских кооперативных съездов, Я.Г. Лапшаков, С.М. Мелентьев, С.Н. Шендрик, Е.П. Березовский – соответственно Забайкальского, Иркутского, Семиреченского и Сибирского казачьих войск, В.А. Жардецкий – Восточного отдела ЦК партии народной свободы, В.В. Куликов – Омского отдела Союза освобождения России, Г.А. Рязский – Акмолинского отдела Всероссийского национального союза, А.И. Новиков (Н.А. Филашев) – Омского комитета трудовой народно-социалистической партии, И. Строганов – Омской группы партии социалистических революционеров-«воленародовцев», И. Рубанков – Атамановской группы РСДРП «Единство». Возглавлял блок в качестве его председателя один из руководителей сибирской кооперации А.А. Балакшин.

Оценки реальной силы блока в воспоминаниях сильно расходятся. Л.А. Кроль считал, что в политическом смысле он «был блоком тринадцати нулей»

[18. С. 144]. Такой вывод мемуарист сделал на основании того, что в действительности И. Рубанков, И. Строганов, А.И. Новиков (Н.А. Филашев), В.В. Куликов и Г.А. Рязский, кроме лично себя, никого больше в блоке не представляли. По характеристике Л.А. Кроля, В.А. Жардецкий значился председателем «несуществующего комитета несуществующей в Омске группы кадетов».

Противоречивые оценки о политическом весе блока дал Г.К. Гинс. С одной стороны, он утверждал, что многие деятели блока «пользовались большим влиянием в военных кругах», и поэтому он представлял из себя «большую силу». С другой стороны, Г.К. Гинс признавался, что реальная мощь блока «была недостаточно ясна», но уверенность и резкость, с которой некоторые члены блока разговаривали с Директорией, «заставляла думать, что блок чувствует за собой силу» [19. Т. 1, ч. 1. С. 275].

Интересные сведения и соображения о событиях, предшествовавших перевороту и последовавших сразу за ним, привел в своих воспоминаниях, написанных в марте-апреле 1920 г. и опубликованных в Риге в том же году, К.Я. Гоппер. Мемуарист был кадровым офицером русской армии. Во время Первой Мировой войны он проделал путь от командира стрелковой роты до командира бригады, был удостоен многих наград, в том числе Георгиевского оружия, орденов Святого Георгия IV и III степени. В июле 1918 г. К.Я. Гоппер был одним из руководителей антибольшевистского восстания в Ярославле. С 1 октября 1918 г. он являлся главным комендантом Ставки Временного Всероссийского правительства и Верховного главнокомандующего, имел возможность близко наблюдать за деятельностью и поведением штабной элиты, почувствовать господствовавшие в ней настроения.

К.Я. Гоппер высказал мнение, что Верховный главнокомандующий В.Г. Болдырев, а затем и назначенный им начальником штаба генерал-лейтенант С.Н. Розанов при формировании штаба главнокомандующего допустили одну и ту же ошибку: они доверили ключевые должности молодым офицерам Генерального штаба полковникам А.П. Слижикову и Г.В. Леонову и подполковнику А.Д. Сыромятникову, которые были «тонкими и хитрыми политиками», но работали «не в той плоскости, на которой стоял генерал Болдырев» [20. С. 84–85].

На основании последовавших после 18 ноября 1918 г. от Верховного правителя наград «за особые заслуги перед родиной» К.Я. Гоппер сделал вывод, что арест членов Директории был делом не только казачьих офицеров В.И. Волкова, А.В. Катанаева и И.Н. Красильникова. Он считал, что в перевороте активное участие принимали Г.В. Леонов, А.П. Слижиков и А.Д. Сыромятников, комендант Ставки полковник Деммерт и несколько человек из контрразведки Ставки.

Тем не менее К.Я. Гоппер признавал, что переворот «случился все-таки неожиданно для нас». Вот как боевой офицер, обязанный обеспечить безопасность штаба

Верховного главнокомандующего, объяснил причины этого: «Я не ожидал его уже потому, что деятельность членов Директории как будто все более и более начала принимать примиряющий характер. Члены Учредительного собрания эсеры не были пропущены в Омск; председатель Директории Авксентьев распустил Сибирскую областную думу, заседавшую в Томске; почти все министры Сибирского правительства вошли во вновь образовываемое Всероссийское Временное правительство; стало быть, как будто не было таких острых трений, которые могли бы вызвать конфликт <...>» [20. С. 99–100].

Эти рассуждения К.Я. Гоппер закончил вполне имеющей право на существование гипотезой: «Быть может эти благоприятные обстоятельства и послужили настоящей причиной поспешности переворота – возникло опасение, что Директория укрепитя и справиться с ней потом будет труднее; к тому же циркулировали еще и слухи о готовящемся в ближайшее время признании Всероссийского Временного правительства союзниками» [Там же. С. 100].

К.Я. Гоппер описал содержание своего разговора с В.Г. Болдыревым после возвращения генерала с фронта и его встречи с Верховным правителем А.В. Колчаком. Со слов В.Г. Болдырева мемуарист заявил, что для последнего «переворот явился полной неожиданностью». К.Я. Гоппер сообщил, что В.Г. Болдырев ознакомил его с текстами телеграмм, которыми обменялись между собой В.Г. Болдырев из Челябинска и А.В. Колчак из Омска. По свидетельству К.Я. Гопера, «телеграммы ген[ерала] Болдырева содержали категорическое требование немедленного освобождения и восстановления в правах членов Директории; в телеграммах же адм[ирала] Колчака был столь же категорический отказ, основанный на постановлении Сибирского Совета министров» [Там же. С. 103].

В заключение К.Я. Гоппер, основываясь на словах В.Г. Болдырева, изложил причины, по которым генерал не встал на путь борьбы против переворотчиков, хотя фронт якобы «выразил полную готовность поддержать его». После «зрелого обсуждения», сказал В.Г. Болдырев, он пришел к выводу, что «от начала подобной борьбы на два фронта пользы для родины не будет и кончится все только полным торжеством большевиков» [Там же].

Целую главу перевороту 18 ноября уделил Г.К. Гинс, издавший двухтомник своих мемуаров¹ в Пекине и Харбине в 1921 г. Г.К. Гинс принадлежал к «старожилам» омской политической элиты. Он позиционировал себя в качестве беспартийного, но по своим взглядам был близок к умеренным кадетам. С середины июня 1918 г. Г.К. Гинс последовательно служил управляющим делами Западно-Сибирского комиссариата и Совета министров Временного Сибирского правительства, затем – товарищем министра народного просвещения Временного Всероссийского правительства. Но еще более важно, что он входил в ближайшее

окружение П.В. Вологодского, благодаря чему всегда был хорошо осведомлен и мог оказывать большое влияние на текущие события. Поскольку после прихода А.В. Колчака к власти Г.К. Гинс продолжал занимать крупные должности и постоянно контактировал с рядом ключевых участников переворота, он несомненно располагал достоверной информацией о том, кто и как его подготовил, но поделился ей очень скупно.

Не подлежит сомнению, что сам Г.К. Гинс не входил в число заговорщиков. По его признанию, он «только догадывался о подготовляющемся заговоре». Тем не менее мемуарист осветил несколько важных вопросов и сообщил заслуживающие внимания сведения.

Г.К. Гинс довольно подробно, хотя и крайне односторонне, обрисовал обстановку в Омске накануне переворота. Он утверждал, что идея диктатуры «носилась в воздухе», но в порядке подтверждения своего тезиса ограничился только приведением политической программы, принятой на съезде торгово-промышленников в Уфе. Автор воспоминаний подверг критике сформированную Директорией систему власти, якобы парализовавшую деятельность Совета министров, и объяснил тщетность усилий Директории, направленных на получение помощи от союзников и признание ими Временного Всероссийского правительства. Здесь он солидаризировался с временно управляющим министерством иностранных дел Ю.В. Ключниковым, который утверждал, что последнее было исключено из-за отсутствия у Директории «самостоятельной реальной силы» [19. Т. 1, ч. 1. С. 284–289, 295–302].

Мемуарист привел так называемую черновскую грамоту, в которой ЦК эсеров требовал от местных партийных организаций мобилизовать, обучить военному делу и вооружить всех своих членов. Он воспроизвел слухи о том, что товарищ министра внутренних дел эсер Е.Ф. Роговский привез из Самары в Омск «особую стражу, свою разведку и деньги». Эти сведения нужны были автору для того, чтобы показать подготовку эсеров к полному захвату власти насильственным путем. Причем весь предыдущий текст Г.К. Гинс скомпоновал таким образом, чтобы задать себе и читателям по сути дела единственный риторический вопрос: «Кто из двух раньше?», – правильный ответ на который, однако, совершенно не вытекал из ранее приведенного фактического материала [18. С. 304–306].

Специально остановившись на анализе причин государственного переворота, Г.К. Гинс выделил основную из них. Мемуарист видел ее в общей неудовлетворенности уфимским компромиссом. «Левые и правые группы, – считал автор воспоминаний, – были настроены враждебно к Директории. Центр еще не успел сложиться <...>. Директория висела в воздухе – некому было прийти ей на помощь» [Там же. С. 311].

Г.К. Гинс был первым из написавших о колчаковском государственном перевороте, кто лично участвовал в заседании Совета министров 18 ноября 1918 г., на котором были приняты исторические решения. Однако

ход этого заседания, которое длилось несколько часов, он изложил очень бегло и сумбурно, с нарушением последовательности, в которой происходило на заседании обсуждение вопросов. Авторские эмоции и оценки в тексте преобладали над фактами, что снижает значение приведенной информации.

По свидетельству Г.К. Гинса, после сообщения П.В. Вологодского об аресте Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова, А.А. Аргунова и Е.Ф. Роговского и невинной информации со слов каких-то очевидцев о ночных событиях в зале заседания, некоторое время царил «тягостное молчание». Отсюда мемуарист сделал такие выводы: «Я могу утверждать, с полным убеждением, что для подавляющего большинства переворот был совершенно неожиданным», «Могу также с уверенностью сказать, что о перевороте ничего не знал и Колчак», «Совет министров был застигнут врасплох».

Продолжительные прения участников заседания по вопросу о том, кому должна принадлежать власть, их точки зрения и аргументация в воспоминаниях не получили освещения. Г.К. Гинс ограничился короткой констатацией: «Факт свержения Директории был признан».

Роковой вопрос «Значит, диктатура?» Г.К. Гинс вложил в уста В.А. Виноградова. Он также назвал фамилию единственного члена Совета министров, который возразил против установления диктатуры, – управляющего министерством труда бывшего меньшевика Л.И. Шумиловского.

По версии Г.К. Гинса, после этого началось выдвижение кандидатур с целью избрания Верховного правителя. Первой прозвучала фамилия В.Г. Болдырева, которую озвучил генерал С.Н. Розанов. По терминологии мемуариста, некие «другие» назвали А.В. Колчака, а министр путей сообщения Л.А. Устругов подал ему записку, на которой значилась фамилия генерала Д.Л. Хорвата. Не очень внятно Г.К. Гинс сообщил результаты голосования: за А.В. Колчака проголосовали все, кроме одного, который отдал свой голос В.Г. Болдыреву [19. Т. 1, ч. 1. С. 306–308].

Г.К. Гинс посчитал нужным охарактеризовать поведение во время заседания Совета министров двух членов Директории: П.В. Вологодского и В.А. Виноградова. По его утверждению, после избрания А.В. Колчака Верховным правителем оба названных деятеля заявили о сложении ими своих должностей в Совете министров. Причем Г.К. Гинс привел аргументы, которыми мотивировал свое поведение В.А. Виноградов: «Он остался бы, если бы верил, что происшедшее принесет благо стране, но он в это не верит». Попытки уговорить В.А. Виноградова остаться в Совете министров в целях сохранения преемственности не увенчались успехом, тогда как П.В. Вологодский после недолгих колебаний согласился [Там же. С. 309–310].

По свидетельству Г.К. Гинса, вопрос об объеме полномочий и компетенции, которыми будет располагать А.В. Колчак в статусе Верховного правителя, якобы встал после его избрания. Мемуарист написал, что

А.В. Колчак «был смущен предложенным званием “Верховного правителя”, ему казалось достаточным звание Верховного главнокомандующего с полномочиями в области охраны внутреннего порядка». После непродолжительной полемики А.В. Колчак получил оба титула, что Г.К. Гинс квалифицировал как несомненную ошибку, поскольку, как позднее выяснилось, «адмирал фактически не был и не мог быть главнокомандующим, так как он был силен на море, а не на суше» [19. С. 309].

Г.К. Гинс назвал министра юстиции С.С. Старынкевича, управляющего делами Совета министров Г.Г. Тельберга и себя авторами «Положения о временном устройстве государственной власти в России», которая должна была играть роль временной Конституции. Мемуарист разъяснил, что они провели в «Положении» в качестве главной мысль о том, что Российское правительство составляют Верховный правитель и Совет министров, благодаря чему законодательная власть Верховного правителя была ограничена, а он стал «диктатором конституционным» [Там же. С. 310].

Раздел воспоминаний, озаглавленный «18 ноября», Г.К. Гинс завершил таким выводом: «Роковая неожиданность переворота поставила Совет министров перед фактом, заставила его принять решение без подготовки, избрать диктатора, недостаточно оценив его качества, определить его права, не выяснив твердо политических целей <...>. Те, кто свергнул Директорию, приняли на себя тяжкую ответственность, и, судя по тому, что произошло, они, видимо, мало продумали политическую программу будущего, сговорившись лишь на замене Директории Колчаком» [Там же. С. 309].

Более полную информацию по сравнению с предыдущими мемуаристами дал Г.К. Гинс об отношении общественности и других сил к свержению Директории и установлению единоличной власти А.В. Колчака. По его оценке, переворот прошел «не вполне гладко, но в общем был принят спокойнее, чем можно было подумать. В Омске он вызвал некоторое брожение умов, но оно скоро улеглось» [18. Т. 2, ч. 2 и 3. С. 5]. «Протестующие голоса, – писал он, – раздали лишь на окраинах»: со стороны «учредилковцев» и чехословаков из Уфы, Екатеринбурга и Челябинска, атамана Б.В. Анненкова из Семипалатинска и атамана Г.М. Семенова из Читы; настороженно отнесся сначала к новой власти вождь оренбургского казачества А.И. Дутова [Там же. Т. 2, ч. 2 и 3. С. 6–15].

Г.К. Гинс упомянул о суде над казачьими офицерами, арестовавшими «директоров»-эсеров, и вынесении им оправдательного приговора. Он выразил сожаление, что суд «не происходил в обстановке полной гласности». Несмотря на это, он счел необходимым повторить прозвучавшие на суде клеветнические обвинения со стороны подсудимых и свидетелей в адрес эсеровской партии, которые резюмировал такими словами: «Едва ли можно было вынести обвинение виновникам переворота после того, как выяснилось, что одна сторона (эсеры,

Директория. – *В.Ш.*) стремилась предать другую (Совет министров), что эсеры явно подготовляли переворот против власти...» [19. Т. 2, ч. 2 и 3. С. 15–16].

Совершенно естественно, что вопрос о перевороте 18 ноября отразил в своих воспоминаниях Л.А. Кроль, написавший и опубликовавший книгу во Владивостоке в 1921 г. Л.А. Кроль был крупным екатеринбургским предпринимателем, широко известным своей общественно-политической деятельностью. С 1905 г. он состоял членом партии народной свободы и ее ЦК. В конце 1917 г. был избран депутатом Всероссийского Учредительного собрания. В начале 1918 г. в Москве вошел в состав Союза освобождения России, а летом 1918 г. перешел фронт и активно участвовал в формировании коалиционной власти на Урале и в Уфе. Он являлся заместителем председателя Временного областного правительства Урала и в этой должности тесно взаимодействовал с Директорией.

Воспоминания Л.А. Кроля не содержат фактической информации непосредственно о перевороте. Однако он не сомневался в том, что екатеринбургские военные круги были тоже причастны к заговору. Мемуарист обратил внимание на то, что заговорщики вели не только техническую (организационную) подготовку переворота, но и интеллектуальную. В этой связи он прямо указал на деятельность в Екатеринбурге крупного журналиста и издателя газеты «Отечественные ведомости» А.С. Белоруссова, который активно пропагандировал в лагере контрреволюции необходимость установления диктатуры [18. С. 146, 158].

«Ясно было, – считал Л.А. Кроль, – что заговор был поставлен широко и создан не в один день. Директории дали проделать то, что без нее сделать нельзя было: она упразднила с их согласия областные правительства, она добилась роспуска Сибоблдумы, одним словом то, что было бы невозможно для Сибирского правительства. Совет министров, общим числом в 14 человек, был составлен так, что в этом числе 10 министров были из прежнего состава Сибирского Административного совета. Во главе его оставался, как и прежде, Вологодский. И вот теперь, когда мавр сделал свое дело, он мог уходить» [Там же. С. 158–159].

Как бы продолжая поднятую Г.К. Гинсом тему о «конституционной диктатуре», Л.А. Кроль подметил, что принятием «Положения о временном устройстве государственной власти в России» Совет министров смог получить то, чего не смог добиться от Директории: совместного с Верховным правителем управления освобожденной от большевиков территорией. «Номинально создавалась диктатура адмирала Колчака, – писал Л.А. Кроль, – а фактически – власть тех, кто недавно еще именовался Сибирским правительством» [Там же. С. 159]. Это была оригинальная и отнюдь не беспочвенная интерпретация результатов омского государственного переворота.

В 1922 г. начал писать и публиковать в одном из московских журналов свои воспоминания о событиях

Гражданской войны на востоке России И.М. Майский. В следующем году он издал их в книжном формате. И.М. Майский был членом РСДРП с 1903 г. После Февральской революции он состоял членом коллегии министерства труда Временного правительства, в декабре 1917 г. был избран в ЦК меньшевиков. В августе 1918 г. И.М. Майский вошел в состав Самарского комитета членов Учредительного собрания и возглавил в нем ведомство труда, за что ЦК меньшевиков исключил его из партии. 18 октября 1918 г. по приглашению Директории он прибыл в Омск для переговоров об организации министерства труда Временного Всероссийского правительства, благодаря чему имел возможность лично наблюдать омскую обстановку накануне и после переворота. Однако ко времени написания мемуаров И.М. Майский уже являлся членом РКП(б).

И.М. Майский довольно подробно изложил свои первые впечатления от царившей в Омске общественно-политической атмосфере. Он поведал о содержании своих разговоров с членами Директории Н.Д. Авксентьевым и В.М. Зензиновым, а также с начальником главного управления по делам милиции и охраны государственного порядка Временного Всероссийского правительства Е.Ф. Роговским, которые вел на протяжении первых десяти дней своего пребывания в Омске. Как писал мемуарист, первую беседу с ним В.М. Зензинов закончил словами «мы чувствуем себя здесь точно во вражеском лагере» [21. С. 304].

Ценным свидетельством в воспоминаниях И.М. Майского являются его впечатления о политическом положении в Омске, которые он составил после нескольких дней самостоятельного знакомства с местной обстановкой. «Результаты моих изысканий были самые убийственные, – резюмировал автор. – Зензинов нисколько не преувеличивал, говоря, что Директория находится во вражеском стане» [Там же. С. 305].

И.М. Майский обстоятельно рассказал о своих попытках убедить Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова и Е.Ф. Роговского в том, что реакционные круги готовят переворот, и воздействовать на эсеровскую часть Директории в целях его предотвращения. «На мои указания, – вспоминал он, – что в воздухе пахнет государственным переворотом и что необходимо немедленно же принимать энергичные меры против заговорщиков, Роговский отвечал, что мои страхи преувеличены и что никакой непосредственной опасности нет». В итоге автор воспоминаний подвел читателей к такому выводу: «Итак, Авксентьев и Зензинов видели опасность, но не считали возможным против нее выступать, а Роговский даже и опасности не видел!» [Там же. С. 316].

Мемуарист пытался показать, что Директория не только вела себя пассивно, но и в своей политике допустила цепь непростительных ошибок. Сначала она проиграла Временному Сибирскому правительству в борьбе за состав Совета министров, затем «в каком-то странном ослеплении всемерно ускорила свою гибель, делая один нелепый шаг за другим». В ряду таких ша-

гов И.М. Майский назвал ликвидацию Сибирской областной думы, противодействие обосновавшемуся в Уфе Совету управляющих ведомствами, запрещение формирования русско-чешских полков.

Автор воспоминаний привел свои впечатления о том эмоционально-психологическом состоянии, в котором находились Н.Д. Авксентьев и В.М. Зензинов за три дня до переворота. «Настроение Авксентьева и Зензинова, – по его мнению, – также было крайне подавленное. Они уже больше не храбрились, не высказывали надежд на будущее, даже не пытались делать “хорошую мину в плохой игре”». Авксентьев мне прямо заявил: “Мы чувствуем себя точно на вулкане. Каждую ночь мы ждем ареста”» [21. С. 326].

И.М. Майский утверждал, что очень скоро он узнал «важнейшие подробности переворота», однако раскрыть источники полученной информации не посчитал нужным. В действительности сведения, сообщенные мемуаристом, не содержали ничего нового. Они были повторением того, что к 1922 г. уже было более полно и точно опубликовано другими.

В то же время И.М. Майский вступил в полемику с Г.К. Гинсом, к которому на каком-то непонятном основании присоединил П.В. Вологодского и не названных «других». И.М. Майский категорически возражал заявлениям предшественников о том, что они «не только не участвовали в перевороте 18 ноября, но [и] что он явился для них даже полной неожиданностью».

И.М. Майский вынужден был признать, что история колчаковского переворота «во многих пунктах еще не совсем ясна». Однако последнее обстоятельство не остановило его и не помешало назвать фамилии участников, соучастников и тех, кто санкционировал переворот. Не подлежит никакому сомнению, считал И.М. Майский, что в свержении Директории «прямо или косвенно» участвовали такие «руководящие члены» Временного Сибирского правительства, как П.В. Вологодский, Г.К. Гинс, И.А. Михайлов, В.Н. Пепеляев и «некоторые другие».

Причастным к государственному перевороту И.М. Майский считал Омский блок общественных организаций, а санкционировавшими его осуществление назвал специального представителя английского правительства в Сибири и на Дальнем Востоке, главу британской военной миссии генерала А. Нокса и начальника французской военной миссии при Российском правительстве генерала М. Жанена [Там же. С. 334–335]. Скорее всего, последнее утверждение в воспоминаниях молодого коммуниста И.М. Майского появилось не случайно, а как грамотный ответ партийного неопита на существовавший политический запрос: оно хорошо вписывалось в ленинскую концепцию гражданской войны, в которой решающая роль отводилась интервенции.

Последним по времени написал и опубликовал свои воспоминания о колчаковском перевороте И.И. Серебренников. Они вышли в свет в Тяньцзине в 1937 г. В молодые годы И.И. Серебренников участвовал в ре-

волюционном движении, в зрелые – стал заниматься научной, культурной и общественной деятельностью. С 27 июля 1918 г. состоял министром снабжения, с 29 августа по 10 сентября – председателем Административного совета Временного Сибирского правительства, возглавлял сибирскую делегацию на Уфимском государственном совещании. 4 ноября 1918 г. он был назначен министром снабжения Временного Всероссийского правительства. И.И. Серебренников имел хорошие отношения с большинством коллег по Совету министров и был очень осведомленным человеком.

В воспоминаниях И.И. Серебренникова довольно подробно были описаны ход и итоги борьбы, которая велась почти две недели между Директорией и Временным Сибирским правительством при формировании Совета министров Временного Всероссийского правительства. Ненавидевший эсеров мемуарист свидетельствовал: «Упорство с обеих сторон было проявлено исключительное <...>. Казалось, вот-вот вспыхнет переворот, который решит эту упорную тяжбу силой оружия». На заданный самому себе вопрос о том, откуда можно было ожидать в то время атаку, «справа» или «слева», И.И. Серебренников ответил, что «оттуда и отсюда». Со ссылкой на позднейшую информацию, полученную им от неназванного эсера, он сообщил, что чехословаки были готовы ликвидировать Временное Сибирское правительство, но на такую акцию не дал санкцию Н.Д. Авксентьев, который, по словам бывшего министра, «не решился на этот раз (?) прибегнуть к силе оружия» [22. С. 202–203].

По мнению И.И. Серебренникова, после завершения формирования Совета министров Временного Всероссийского правительства «злойбой дня» для Омска стал вопрос о диктатуре. Пропагандистами идеи диктатуры автор воспоминаний назвал местную организацию кадетов и торгово-промышленные круги, а наиболее яркими ее проводниками – бывшего депутата IV Государственной думы, члена кадетского ЦК В.Н. Пепеляева и лидера омских кадетов адвоката В.А. Жардецкого. Такую позицию «правых» И.И. Серебренников пытался объяснить тем, что в деятельность Директории вмешивалась партия эсеров, а это позволяло противоположной стороне считать себя «свободной от обязательств, вытекающих из соглашения в Уфе». Политическая обстановка в Омске в первой половине ноября 1918 г. характеризовалась в воспоминаниях так: «правые» желали как можно быстрее установить диктатуру, «левые» делали все возможное для того, чтобы ускорить ее появление [Там же. С. 213–215].

И.И. Серебренников считал очевидным, что инициатива переворота исходила от Омского комитета партии кадетов и торгово-промышленников, близких к местному военно-промышленному комитету. Однако на уровне персоналий мемуарист проявил осторожность. Он сообщил, что в числе инициаторов переворота обычно называли В.Н. Пепеляева, В.А. Жардецкого, И.А. Михайлова, начальника Академии Генерального

штаба профессора А.И. Андогского, казачьих офицеров В.И. Волкова, А.В. Катанаева и И.Н. Красильникова. Но при этом автор воспоминаний сделал оговорку: «Так ли это было на самом деле, я не знаю и утверждать не берусь».

Зато более определенно И.И. Серебренников высказался насчет А.В. Колчака, которого высоко ценил и уважал: «Лично я считаю только, что адмирал Колчак был осведомлен о заговоре и дал заговорщикам свое согласие принять на себя бремя диктатуры». Свою позицию бывший министр убедительно аргументировал тем, что «без этого предварительного согласия адмирала устроители переворота едва ли рискнули бы совершить таковой» [22. С. 219–220].

Очень лапидарно И.И. Серебренников описал заседание Совета министров, на котором обсуждался вопрос о форме верховной государственной власти после ареста «директоров»-эсеров и принимались последующие решения. Заслуживает внимания его свидетельство о том, что кто-то из присутствовавших предложил восстановить Директорию в составе находившихся на свободе трех ее членов, но В.А. Виноградов решительно отказался участвовать в работе Директории неполного состава. Ход и итоги дальнейшего обсуждения вопроса И.И. Серебренников передал такими словами: «Возложить власть на Совет министров представлялось также невозможным в виду только что пережитого опыта. Оставалось как будто только одно: диктатура» [Там же. С. 217].

Мемуарист сообщил, что кандидатами на роль диктатора были названы В.Г. Болдырев, А.В. Колчак и Д.Л. Хорват. Он привел важную информацию о том, что единственный присутствовавший из названной тройки А.В. Колчак принял «большое участие в прениях», более того – он произнес длинную речь, которая имела «до некоторой степени программный характер». Кроме того, И.И. Серебренников привел исключительно ценное свидетельство о том, что «в своей речи А.В. Колчак указал на необходимость поторопиться с решением обсуждаемого вопроса, так как этого с большим нетерпением ждут заинтересованные силы».

Автор воспоминаний был уверен, что под «заинтересованными силами» А.В. Колчак имел в виду «те омские круги и те воинские части, которые произвели свержение Директории». «Заговорщики, – утверждал И.И. Серебренников, – несомненно ждали, чем кончится это экстренное заседание Совета министров. Если бы Совет не принял постановления о диктатуре Колчака – возможно, что он так же и теми же силами был бы низвергнут, как и Директория» [Там же. С. 217–218]. О том, что соображения И.И. Серебренникова были не беспочвенными, свидетельствуют показания товарища министра снабжения И.А. Молодых, которые он дал на допросе в Иркутске еще в начале 1920 г. По версии И.А. Молодых, когда некоторые члены Совета министров стали проявлять колебания и возникло подозрение, что принятие необходимого заговорщикам решения об установлении военной диктатуры может не со-

стояться, А.В. Колчак взял слово и решительно заявил примерно следующее: «Надо кончать. Если мы выйдем на улицу так, то нас разорвут войска» [22. С. 56].

И.И. Серебренников полагал, что антибольшевицкие группировки на востоке России по-разному отнеслись к государственному перевороту и поэтому в первые дни «еще не было никакой уверенности, что он пройдет вполне благополучно». В числе тех, кто мог занять отрицательную позицию и даже оказать сопротивление, он назвал В.Г. Болдырева, чехословаков и эсеров, а также «больших и малых атаманов». Но еще важнее И.И. Серебренников считал позицию действующей армии и ее офицерского корпуса. «Судя по всему, – по его наблюдениям, – фронтовое офицерство, в массе своей, приняло переворот сочувственно, надеясь, что Верховный правитель сумеет энергичными мерами навести порядок в тылу, связать должным образом тыл с фронтом и повести армию от победы к победе» [Там же. С. 221–222].

Вопрос о свержении Директории и установлении диктатуры А.В. Колчака попутно затронули в своих воспоминаниях также Л.В. Арнольдов, М.В. Вишняк, И.С. Ильин, С.П. Руднев, К.В. Сахаров, Н.В. Свяцкий, М.И. Смирнов и И.И. Сукин. Однако мемуары большинства из них не представляют ценности в качестве исторического источника, поскольку названные авторы не являлись непосредственными участниками событий, а описывали их с чужих слов, зачастую с грубыми ошибками.

Наиболее недостоверное и предвзятое освещение переворот получил на страницах воспоминаний генерал-лейтенанта К.В. Сахарова, написанных им в Нью-Йорке в 1920 г. и изданных в Мюнхене в 1923 г. (переизданы в 1930 г.). За будущим генералом еще во время его обучения в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе закрепилось прозвище «Бетонная голова». К.В. Сахаров участвовал в Первой мировой войне в должности начальника штаба стрелковой дивизии, затем служил в Ставке Верховного главнокомандующего, был награжден Георгиевским оружием и удостоен ордена Св. Георгия IV степени. В ноябре 1918 г. получил производство в генерал-майоры. Во время колчаковского переворота ни на фронте, ни в Омске его не было. В 1919 г. он занимал высокие штабные и командные должности, а с 4 ноября по 9 декабря 1919 г. недолго являлся даже главнокомандующим армиями Восточного фронта. С его именем связывают поражение белых в Челябинской операции, неумелую организацию обороны Омска и срыв эвакуации Новониколаевска. В.К. Сахаров отличался крайне «правыми» политическими взглядами.

По версии К.В. Сахарова, во время недельной командировки на фронт в первой половине ноября 1918 г. А.В. Колчак «получил уже лично теперь заверения от войсковых начальников, что дальше так идти не должно, что армия сама может сделать переворот, а это было бы гибельным для фронта; что в Директорию совершенно

никто не верит, ждут замены ее единой властью и хотели бы видеть ее в лице адмирала» [23. С. 30].

К.В. Сахаров заявлял, что Совет министров принял решение передать всю полноту власти А.В. Колчаку как Верховному правителю и Верховному главнокомандующему вечером 17 ноября, а аресты казачьими офицерами «директоров»-эсеров были произведены в ночь на 18 ноября. После этого, по словам автора воспоминаний, «Совет министров пришел к Колчаку объявить о своем решении и просить взять на себя тяжкое бремя высшей власти» [Там же. С. 31].

Приведенные утверждения В.К. Сахарова противоречили общеизвестным фактам, опубликованным в печати того времени, в том числе в правительственной. Впрочем, аналогичных досужих домыслов была полна вся объемистая книга В.К. Сахарова. Вполне закономерно, что эти воспоминания подверг резкой критике историк по образованию, бывший профессор Академии Генерального штаба генерал-майор М.А. Иностранцев. Он писал, что книга В.К. Сахарова «представляет собою редкое явление в литературе, и явление, конечно, в смысле отрицательном», «прочитавший ее получил бы о всей противобольшевицкой Сибири совершенно превратное представление» [24. С. 71].

Исключение в ряду воспоминаний, написанных о перевороте по литературе, с чужих слов или по слухам, составляют только мемуары И.И. Сукина. Это был молодой дипломат, который с лета 1917 г. служил секретарем российского посольства в США. В Омске он появился утром 17 ноября 1918 г., лишь за несколько часов до переворота. После прихода А.В. Колчака к власти И.И. Сукин служил чиновником по дипломатической части при Ставке Верховного главнокомандующего, со 2 января по 29 ноября 1919 г. был товарищем министра иностранных дел Российского правительства. Несомненно, что возвращавшийся около года в высших правительственных и военных кругах И.И. Сукин располагал разносторонней информацией о том, кто и как подготовил и осуществил переворот. Тем не менее содержание воспоминаний бывшего дипломата изначально вызывает серьезные сомнения, поскольку опубликовавший источник А.В. Квакин не атрибутировал их. Он не привел даже данные о том, где и когда эти воспоминания были написаны.

Наибольшего внимания в мемуарах И.И. Сукина заслуживает утверждение о том, что 17 ноября 1918 г. он встречался с А.В. Колчаком и чуть ли не до самых сумерек они «вместе обсуждали, каков будет внешний эффект военного переворота», казавшегося им обоим неминуемым [25. С. 344]. Данное свидетельство плохо вписывается в известный событийный контекст. Маловероятно, чтобы И.И. Сукин мог сразу попасть на прием к военному и морскому министру в воскресный день, а последний стал обсуждать столь острый и опасный вопрос с совершенно неизвестным ему человеком. Обзор опубликованных мемуаров, в которых нашел отражение колчаковский государственный переворот, позволяет сделать следующие основные выводы.

Ценность воспоминаний в отношении полноты изложения и фактической достоверности событий, а также глубины понимания происшедшего существенно различается. Объем и характер вводимой тем или иным мемуаристом информации детерминировались главным образом его близостью к властным структурам и конкретным руководящим деятелям. Наличие расхождений на эмпирическом уровне и принципиальных противоречий на уровне интерпретации приведенных фактов свидетельствует о том, что с точки зрения достоверности описания событий они также значительно различаются. Это требует критического отношения к сообщаемым в воспоминаниях сведениям и их обязательной проверки по другим источникам.

Наиболее обширную, разностороннюю и соответствующую действительности информацию мемуары содержат об общественно-политической обстановке в Омске после переезда туда Директории, о позиции «директоров»-эсеров по актуальным вопросам тогдашней повестки дня, об их аресте и дальнейших злоключениях, о реакции общественности Сибири на государственный переворот. Однако в воспоминаниях мало конкретных сведений, не вызывающих сомнения в достоверности, о заговоре: его инициаторах, плане, руководителях, исполнителях и масштабах, в том числе об участии или неучастии А.В. Колчака.

Складывается впечатление, что некоторые мемуаристы сознательно прибегли к «фигуре умолчания». В противном случае трудно объяснить, например, почему Г.К. Гинс и И.И. Серебренников ограничились минимальной информацией о ходе заседания Совета министров 18 ноября 1918 г., хотя этот спектакль длился несколько часов и в нем участвовали два с половиной десятка действующих лиц. Причины лапидарности названных мемуаристов остаются непонятными. Возможно, что их собственное поведение во время заседания не позволило им написать более полно о себе, что повлекло за собой необходимость свести до минимум информацию обо всех остальных участниках этого мероприятия. Наиболее существенные разногласия между мемуаристами прослеживаются на концептуальном уровне. Такие расхождения объясняются многими причинами. Но в решающей степени они определялись разными политическими позициями, которые авторы

воспоминаний занимали в ходе Гражданской войны в принципе и конкретно во время происшедших событий.

В целом опубликованные мемуары нельзя считать надежной источниковой базой, достаточной для того, чтобы объективно осветить колчаковский государственный переворот на всех стадиях его подготовки и осуществления. В целях преодоления ее узости и неполноты прежде всего необходимо опираться на три неоднократно опубликованных дневника: В.Н. Пепеляева [26], В.Г. Болдырева [27] и П.В. Вологодского [15]. Дневник В.Н. Пепеляева ценен тем, что проливает хотя бы небольшой свет на подготовку заговора, В.Г. Болдырева – наиболее полно и точно информирует о позиции и деятельности Директории в Омске, П.В. Вологодского – содержит дополнительные сведения как об омской атмосфере накануне и после переворота, так и о ходе заседания Совета министров 18 ноября 1918 г. Нельзя обойтись также без обращения к таким специфическим источникам, как протоколы допросов А.В. Колчака, В.Н. Пепеляева, министров и других руководящих деятелей Совета министров Российского правительства [28–31]. Только нужно иметь в виду, что в показаниях подсудимых и подсудимых имеется много неточностей, ошибок, сознательно и неумышленно допущенных искажений. Особенно много их в стенограмме допроса А.В. Колчака, изданного в Берлине.

Большое значение для полноценного раскрытия темы имеют два довольно давно введенных нами в научный оборот уникальных материала, найденных в Государственном архиве Российской Федерации. Один из них – это письмо полковника А.Д. Сыромятникова министру финансов И.А. Михайлову от 14 апреля 1919 г. [32], другой – журнал заседания Совета министров, состоявшегося 18 ноября 1918 г. [1, 33]. Эти два документа содержат наиболее полные и не вызывающие сомнения фактические данные о подготовке заговора и его осуществлении на стадии принятия решения о замене государственной власти и ее легитимации. Другими словами, полноценную картину колчаковского государственного переворота невозможно нарисовать без использования всей совокупности уже выявленных и опубликованных источников. При этом сохраняется надежда на то, что могут быть обнаружены новые документы в отечественных и зарубежных архивохранилищах.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Несколько лет тому назад профессор Томского государственного университета Н.С. Ларьков в разговоре со мной заметил: «Считают, что вся русская литература вышла из гоголевской “Шинели”. В таком случае вся историография Гражданской войны в Сибири вышла из воспоминаний Гинса».

ЛИТЕРАТУРА

1. Шишкин В.И. К истории государственного переворота в Омске (18–19 ноября 1918 г.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2002. Т. 1. Вып. 3 (история). С. 88–98.
2. Лившиц С.Г. Колчаковский переворот // Вопросы истории. М., 1983. № 3. С. 79–90.
3. Богданов К. Как Колчак стал Верховным правителем (хроника омского переворота) // Омская старина. Историко-краеведческий альманах. Омск, 1993. Вып. 2. С. 61–82.
4. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Часть II. В преддверии диктатуры. Белград, 1930. 238 с.
5. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. 294 с.

6. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов н/Д, 1998. 320 с.
7. Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Книга вторая. М., 2000. 353 с.
8. Переверзев А.Я., Кулешов О.С. Комуч. Директория. Колчак. Антисоветский лагерь в гражданской войне на востоке России в документальном изложении, портретах и лицах. Воронеж, 2003. 704 с.
9. Зырянов П.Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. М., 2006. 637 с.
10. Хандорин В.Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2006. 278 с.
11. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2009. 635 с.
12. Аргунов А. Между двумя большевиками. Париж, 1919. 47 с.
13. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года. Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919. 193 с.
14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-180. Управление делами Временного Всероссийского правительства. Оп. 1. Д. 20.
15. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006. 619 с.
16. Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. 282 с.
17. Соловейчик А.С. Борьба за возрождение России на востоке (Поволжье, Урал и Сибирь в 1918 году). Ростов н/Д, 1919. 61 с.
18. Кроль Л.А. За три года. (Воспоминания, впечатления, встречи). Владивосток, 1921. 212 + IV с.
19. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. Т. 1, ч. 1. Пекин, 1921. 325 с.; Т. 2, ч. 2 и 3. Харбин, 1921. 606 с.
20. Гоппер К. Четыре катастрофы. Воспоминания. [Рига, 1920.] 168 с.
21. Майский И. Демократическая контрреволюция. М. ; Пг., 1923. 360 с.
22. Шишкин В.И. 1918 г.: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 42–61.
23. Сахаров К.В. Белая Сибирь. (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. 325 с.
24. Иностранцев М., ген. История, истина и тенденция. По поводу книги ген.-лейт. К.В. Сахарова «Белая Сибирь». (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Прага, 1933. 72 с.
25. Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака. Документы и материалы / под ред. А.В. Квакина. М., 2005. С. 325–510.
26. Дневник В. Пепеляева // Красные зори. Иркутск, 1923. № 4. С. 75–90.
27. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925. 562 с.
28. Протоколы допроса адмирала Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске в январе-феврале 1920 г. // Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1923. Т. X. С. 177–321.
29. Допрос Колчака. Л., 1925. XI, 232, [4] с.
30. Верховный правитель России: документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака. М, 2003. 702 с.
31. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. 672 с. (Россия. XX век. Документы).
32. Шишкин В.И. К истории колчаковского переворота // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, филологии и философии. Новосибирск, 1989. Вып.1. С. 59–63.
33. Серебренников И.И. Мои воспоминания. В революции (1917–1918). Тяньцзинь, 1937. 289 с.

Shishkin Vladimir I. Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: patric@academ.org

KOLCHAK COUP D'ÉTAT IN COVERAGE OF RUSSIAN MEMOIRS

Keywords: memoirist; Civil War; Provisional All-Russia Government; the Directorate; the Council of Ministers; the coup; dictatorship; A.V. Kolchak.

In November 18, 1918 in Omsk a coup was staged, in the course of which the replacement of supreme power in the counter-revolutionary camp occurred. The Directorate (Provisional All-Russia Government) elected at the State meeting in Ufa was abolished, and instead an individual rule of the Supreme Governor was established, A.V. Kolchak being elected for this position.

In the paper the task is set to find and critically analyze memoir literature of participants and contemporaries of that event to reveal factual completeness, precision and credibility. The necessity of such analysis is accounted for by the fact that, up to now, memoirs have remained the most important source base from which researchers, publicists and popularizers of historical knowledge not only get information, but also widely use its interpretations and conceptual ideas. For solving the set task the memoirs of well-known journalists, political and military figures have been analyzed in the paper: L.V. Arnoldov, A.A. Argunov, M.V. Vyshnyak, G.K. Guins, K.Y. Gopper, I.S. Ilyin, L.A. Krol, I.M. Maysky, S.P. Rudnyev, K.V. Sakharov, N.V. Svyatitsky, I.I. Serebryannikov, M.I. Smirnova, A.S. Soloveychnik, I.I. Sukhin.

It has been found out that the memoirs contain the most voluminous, diverse and reliable information concerning the social and political situation in Omsk after the Directorate moved there, as well as the arrest and further troubles of its socialist and revolutionary part (SRs). The memoirists very scantily and inconsistently covered the meeting of the Council of ministers that lasted for several hours, where key decisions were taken: it was admitted that the Directorate stopped its activity; the Council of ministers resolved to take over all the state power, and then it decided to repose power temporarily in the hands of one person, awarding him the title of the Supreme Governor; it elected A.V. Kolchak for this post. However, the memoirs have not practically any concrete and reliable information about the plot.

In the published memoirs serious contradictions were found which have factual and conceptual character. These are explained by the fact that the memoirists originally possessed fragmentary and inconsistent information, besides they took different political positions during the Civil War. Such content of the memoirs requires critical attitude to the given information and the check of its credibility using other sources.

Even taken collectively, the published memoirs are not a sufficiently reliable source base for obtaining an objective picture of Kolchak's coup at all stages of its realization exclusively on the that basis. To solve this task, it is necessary to use all the complex of published sources as well as to continue a search for new documents in Russian and foreign archive depositories.

REFERENCES

1. Shishkin, V.I. (2002) K istorii gosudarstvennogo perevorota v Omske (18–19 noyabrya 1918 g.) [To the history of the coup in Omsk (November 18–19, 1918)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya.* 1(3). pp. 88–98.
2. Livshits, S.G. (1983) Kolchakovskiy perevorot [Kolchakov's coup]. *Voprosy istorii.* 3. pp. 79–90.

3. Bogdanov, K. (1993) Kak Kolchak stal Verkhovnym pravitelem (khronika omskogo perevorota) [How Kolchak became the supreme ruler (the chronicle of the Omsk coup)]. *Omskaya starina. Istoriko-kraevedcheskiy al'manakh*. 2. pp. 61–82.
4. Melgunov, S.P. (1930) *Tragediya admirala Kolchaka. Iz istorii grazhdanskoy voyny na Volge, Urale i v Sibiri* [The tragedy of Admiral Kolchak. From the history of the civil war on the Volga, the Urals and Siberia]. Part 2. Belgrad: [s.n.].
5. Ioffe, G.Z. (1983) *Kolchakovskaya avantiyura i ee krakh* [Kolchak's adventure and its collapse]. Moscow: Mysl'.
6. Plotnikov, I.F. (1998) *Aleksandr Vasil'evich Kolchak. Zhizn' i deyatelnost'* [Aleksandr V. Kolchak. Life and activities]. Rostov on Donu: Feniks.
7. Krasnov, V.G. (2000) *Kolchak. I zhizn', i smert' za Rossiyu* [Kolchak. Life and death for Russia]. Part 2. Moscow: Olma-Press.
8. Pereverzev, A.Ya. & Kuleshov, O.S. (2003) *Komuch. Direktoriya. Kolchak. Antisovetskiy lager' v grazhdanskoy voynе na vostoке Rossii v dokumental'nom izlozhenii, portretakh i litsakh* [Komuch. Directory. Kolchak. Anti-Soviet camp in the civil war in the east of Russia in the documentary, portraits and faces]. Voronezh: Voronezh State University.
9. Zyryanov, P.N. (2006) *Admiral Kolchak, Verkhovnyy pravitel' Rossii* [Admiral Kolchak, Supreme Ruler of Russia]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Khandorin, V.G. (2006) *Admiral Kolchak: pravda i mify* [Admiral Kolchak: Truth and Myths]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Tsvetkov, V.Zh. (2009) *Beloe delo v Rossii. 1919 g. (formirovaniye i evolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii)* [The White idea in Russia. 1919 (the formation and evolution of the political structures of the White movement in Russia)]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
12. Argunov, A. (1919) *Mezhdru dvumya bol'shevizmami* [Between two Bolshevisms]. Paris: Union.
13. Zenzinov, V. (ed.) (1919) *Gosudarstvennyy perevorot admirala Kolchaka v Omske 18 noyabrya 1918 goda* [The coup d'etat of Admiral Kolchak in Omsk on November 18, 1918]. Paris: Tipografiya I. Rirakhovskogo.
14. The State Archive of the Russian Federation. Fund R-180. List 1. File 20.
15. Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925)* [In power and in exile: the diary of the Prime Minister of anti-Bolshevik governments and the émigré in China (1918–1925)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.
16. Nabokov, K.D. (1921) *Ispytaniya diplomata* [Trials of a diplomat]. Stockholm: Severnye ogni.
17. Soloveychik, A.S. (1919) *Bor'ba za vozrozhdeniye Rossii na vostoке (Povolzh'e, Ural i Sibir' v 1918 godu)* [The struggle for the revival of Russia in the east (the Volga region, the Urals and Siberia in 1918)]. Rostov on Don: [s.n.].
18. Krol, L.A. (1921) *Za tri goda. (Vospominaniya, vpechatleniya, vstrechi)* [For three years. (Memories, impressions, meetings)]. Vladivostok: Tip. Svobodnaya Rossiya.
19. Gins, G.K. (1921) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920 gg.* [Siberia, the Allies and Kolchak. The turning point of Russian history. 1918–1920]. Vol. 1. Beijing; Kharbin: O-vo vozrozhdeniya Rossii : Tip.-lit. Rus. dukhovnoy missii.
20. Gopper, K. (1920) *Chetyre katastrofy. Vospominaniya* [Four disasters. Memories]. Riga: Dzīve un kultūra.
21. Mayskiy, I. (1923) *Demokraticeskaya kontrrevolyutsiya* [Democratic counterrevolution]. Moscow; Petrgrad: Gosizdat.
22. Serebrennikov, I.I. (1937) *Moi vospominaniya. V revolyutsii (1917–1918)* [My memories. In the revolution (1917–1918)]. Tianjin: Star Press.
23. Sakharov, K.V. (1923) *Belaya Sibir'. (Vnutrennyaya voyna 1918–1920 gg.)* [White Siberia. (The internal war of 1918–1920)]. Munich: [s.n.].
24. Inostrantsev, M. (1933) *Istoriya, istina i tendentsiya. Po povodu knigi gen.-leyt. K.V. Sakharova "Belaya Sibir'". (Vnutrennyaya voyna 1918–1920 gg.)* [History, truth and trend. Regarding the book by Brigadier General K.V. Sakharov "White Siberia". (The internal war of 1918–1920.)]. Prague: [s.n.].
25. Sukin, I.I. (2005) *Zapiski Ivana Ivanovicha Sukina o pravitel'stve Kolchaka* [Ivan Ivanovich Sukin's notes about Kolchak's Government]. In: Kvakin, A.V. (ed.) *Za spinoy Kolchaka. Dokumenty i materialy* [Behind Kolchak's back. Documents and materials]. Moscow: Agraf. pp. 325–510.
26. Pepelyaev, V. (1923) *Dnevnik V. Pepelyaeva* [V. Pepeliaev's Diary]. *Krasnye zori*. 4. pp. 75–90.
27. Boldyrev, V.G. (1925) *Direktoriya, Kolchak, interventy. Vospominaniya* [Directory, Kolchak, invaders. Memories]. Novonikolaevsk: Sibkrazizdat.
28. Hessen, I.V. (ed.) (1923) *Arkhiv russkoy revolyutsii, izdavaemyy I.V. Gessenom* [Archive of the Russian Revolution, published by I.V. Hessen]. Vol. 10. Berlin: [Slovo]. pp. 177–321.
29. Popov, K.A. (ed.) (1925) *Dopros Kolchaka* [Interrogation of Kolchak]. Leningrad: GIZ.
30. Trukan, G. (ed.) (2003) *Verkhovnyy pravitel' Rossii: dokumenty i materialy sledstvennogo dela admirala A.V. Kolchaka* [Russia's Supreme Ruler: Documents and Materials of the Admiral A.V. Investigatory Case]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
31. Shishkin, V.I. (ed.) (2003) *Protseess nad kolchakovskimi ministrami. May 1920* [The trial of the Kolchak ministers. May 1920]. Moscow: Mezhdunarodnyy fond "Demokratiya".
32. Shishkin, V.I. (1989) *K istorii kolchakovskogo perevorota* [On the history of the Kolchak coup]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii*. 1. pp. 59–63.
33. Shishkin, V.I. (2008) 1918 g.: ot Direktorii k voennoy diktature [1918: from the Directory to the military dictatorship]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 42–61.